

АЛИСА КЭРРОЛЛ

*"Здесь живут потерянные.
Здесь они и остаются."*

DOMUS PERDITAE
ANIMARUM

18+

Алиса Кэрролл

Domus Perditae Animarum

«Автор»

2026

Кэрролл А.

Domus Perditae Animarum / А. Кэрролл — «Автор», 2026

За стенами бывшего монастыря скрыт «Дом Потерянных Душ» — больница-интернат, отрезанная от мира бескрайним глухим лесом. Здесь живут дети, от которых отсеклось общество. Для одних их особенности — Божий дар, для других — проклятие самого дьявола. Когда Азария начинает меняться, напуганные родители отправляют её в это изолированное от цивилизации место. Но вместо одиночества Азария обретает здесь троих верных друзей, ставших для неё настоящей семьей. Вместе им предстоит научиться принимать себя, любить и снова доверять. Но насколько бы безопасной ни казалась клетка, птица всегда стремится на волю. Осознав, какие темные тайны скрывают стены интерната и как год за годом система уничтожает невинных, дети решают дать бой. Отрастив крылья и когти, они готовятся сломать стальные оковы. Но хватит ли у них сил остановить то, что столько лет уничтожает беззащитные жизни?

© Кэрролл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Протокол наблюдений No 1: Гневайся и отрицай	7
Глава первая	7
Беги овечка, беги	7

Алиса Кэрролл

Domus Perditae Animarum

Пролог

*«У маленькой птички свободу
забрали,
Маленькую птичку в клетку поймали.
Она билась о прутья, цеплялась
когтями,
Пока сталь ее крылья обвивала
путами»*

Воскресенье. Служба давно закончилась, но церковные стены все еще держали в себе несколько отчаянно молившихся душ.

Элизабет Шварц была одной из них. Стоя на коленях перед потемневшим от времени распятием, она беззвучно и быстро шевелила губами, произнося молитвы. Пальцы, подрагивая, перебирали серебряный крестик. Иногда он выскальзывал, ударяясь о грудь, отчего женщина резко выдыхала.

Август Шварц стоял поодаль, наблюдая за женой. Высвободив свою руку из ладошки дочери, он перекрестился. Медленно так, оттягивая момент, когда линии собираются в крест, и взглянул вверх, к своду. Нижняя губа его чуть дрогнула. Август приобнял дочь за плечо и притянул к себе. Сместив руку ей на голову, прижал к своему боку, осторожно поглаживая по волосам.

Последние полгода дом Шварцев напоминал склеп. Больше не было смеха, разговоров ни о чем. Только поглощающая собой все тишина, разрываемая душераздирающими криками и падением мебели. Слышать тихие напуганные шепотки за спиной, становилось все невыносимей. Но это было не так больно, как видеть пустой взгляд их единственной дочери. Которая смотрела сквозь родителей, словно слушала кого-то, стоящего прямо у них за спиной. Сильнее же боли был — страх, удушливый, заползающий под кожу и оставляющий там свою черноту, которую не вымолишь.

Сзади раздался скрип половиц. Отец Луи медленно направлялся к ним. Священник казался изможденным: глубокие тени под глазами, высохшая кожа, вцепившиеся в сутану дрожащие пальцы.

— Август... Элизабет, — прошептал он, поравнявшись со Шварцом.

Элизабет тут же встала с колен и рывками отряхнула подол нежно-голубого платья.

— Отец? — произнес Август. Протянув руку, он ухватил жену, давая ей опереться на себя. Ее ноги подкашивались, когда она шла.

Священник воровато огляделся. Выдохнув, отец Луи на секунду прикрыл морщинистые веки.

— Как бы мне ни было тяжело это говорить, но молитвы здесь больше не помогут. Нельзя вылечить то, что даровано... — священник непроизвольно махнул рукой, взгляд его упал к полу.

— Что вы такое говорите, святой отец? Как это может... может быть даром?! — вскрикнула Элизабет.

Август притянул ее ближе и оставил невесомый поцелуй в пшеничных волосах.

— Тише, тише, — успокаивающе пролепетал мужчина. — Что вы хотите этим сказать? — спокойно произнес Август Шварц, крепче обнимая дочь.

— Дитя, в чьих венах течет чужая воля, — начал священник и полез во внутренний карман сутаны. — Вчера она напала на ребенка. Завтра... завтра она убьет вас во сне. Власть Господа велика, но...

Он вытащил клочок бумаги, держа его двумя пальцами, словно что-то мерзкое, грязное, и протянул отцу семейства.

— Есть место. Далеко, спрятанное за густыми лесами. Там должны суметь помочь вашей беде. Избавить вашу дочь от мучающей ее...

Август Шварц сжал челюсти, до хруста.

— Вы предлагаете запереть нашу дочь в приюте для безумных? — не дав договорить, воскликнул мужчина.

— Я предлагаю спасти ваши души от позора, а её — от смерти! — Отец Луи навис над Августом. — Вы сами прекрасно знаете, что происходит за стенами вашего дома. Люди шепчутся. Думаете, они долго будут просто наблюдателями?!

Священник схватил Элизабет за руку и брезгливо впихнул бумажку. Уходил он спешно, почти бегом, скрываясь в полумраке нефа.

Элизабет сжала листок. Слезинка упала с ее ресниц и покатилась по щеке, оставляя за собой горячий след. Она подняла глаза на мужа.

— Мы же не станем?... — взмолилась женщина. Август разжал холодные пальцы жены и забрал клочок. Мельком посмотрел на адрес, а затем на Элизабет. Страх перед неизвестным потонул в еще более глубоком, гнетущем страхе перед собственным ребенком.

— Завтра, — выдохнул он в холодный воздух капеллы. — На рассвете мы ее увезем.

Элизабет стекла вниз, садясь на корточки перед дочерью. Подол ее платья был сероватым из-за собранной с пола пыли. Женщина ухватила за предплечья девочки и, потянувшись, поцеловала ту в лоб, оставляя мокрый след, который отдавал холодом от ходившего по церкви сквозняка.

Протокол наблюдений No 1: Гневайся и отрицай

Глава первая

Беги овечка, беги

*«Бежать бесполезно. Я тебя поймаю,
если захочу»*

Утреннее солнце пыталось пробраться сквозь мутное, покрытое туманной влагой стекло. Азария, которая лишь недавно погрузилась в беспокойный сон, перевернулась на другой бок, прячась в тени легкой занавески и продолжая тихо сопеть.

Вчерашний день отдавался в памяти размытыми кадрами, словно кошмарный сон. Ее мать, рыдающая на плече у отца; монашки, уводящие Азу прочь, и общая комната с двенадцатью такими же детьми — брошенными на съедение здешним *волкам*.

Белая краска местами желтела пятнами, а полоса цвета морской волны, делившая стену пополам, лишь подчеркивала местную унылость. Над входом висела икона Девы Марии, чей строгий лик, казалось, следил за каждым твоим движением. А в воздухе стоял тяжёлый запах трав, спирта и затхлости, от которых кружилась голова.

Атмосфера в комнате была гнетущей, но все же менее пугающей, чем во все еще хранивших свой первозданный вид каменном, холодном коридоре бывшего монастыря.

Монахини принесли одежду — штаны и рубашу, заставили переодеться. А затем повязали плотную красную ленту на левое запястье, строго-настрого запретив ее трогать и тем более снимать. Как только они скрылись за дверью, Азария поддернула ткань ногтем, чуть отогнув. На изнанке была приклеена бирка, на которой виднелась какая-то надпись. Тут же рывкнувший на нее смотритель заставил Азу оставить попытку внимательнее рассмотреть, что же там написано.

Перебрав свои скудные пожитки, девочка залезла на скрипучую кровать, подтянув к себе колени, и уставилась в стену.

В таком положении она просидела, пока за детьми не пришли две молоденькие монашки, собирая всех на обед. Мальчик, что до последнего не вставал со своей койки, остался без пары, вставая в отдалении от группы.

Одна из монахинь медленно повела ребят за собой, когда вторая девушка, направилась к Азарию. Представившись Имой, сообщила, что всех ведут в столовую и Азарию тоже следует пойти. На что Аза лишь мотнула головой, даже не повернувшись к ней. Ей было не до еды. Внутри все горело от протеста и боли, делая любую попытку взаимодействия невыносимой. И когда Има потянулась к девочке, та отбила ее руку с такой силой, что боль вмиг исказила лицо девушки.

Монашка не стала настаивать, быстро развернулась и ушла, оставив Азарию наедине со своими страданиями.

Девочка так и продолжила высматривать каждую трещинку в побеленном камне. Ужин она тоже пропустила. А когда все вернулись, Аза спустилась на пол, спрятавшись так, что видна была только макушка. Дети старались не обращать на нее внимания, хотя иногда поглядывали с интересом и неким оставшимся в них сочувствием — они ведь сами когда-то прошли через то же самое.

В конце концов, когда тишина стала почти осязаемой, а свет от лампы на столе смотрящего уже не резал глаза, а казался почти уютным, измотанная стрессом пережитого дня Азария все же провалилась в тяжелый и невыносимо желанный сон...

Сейчас же девочка, поддаваясь сладкой неге, уткнулась лицом в подушку. Но проспав еще хотя бы вечность Азарии было не суждено. Едва в монастыре закончилась утренняя молитва, в коридоре послышались торопливые шаги. В проеме комнаты, осторожно отворив дверь, появился молодой врач. За его спиной, в полумраке сводов, чернели силуэты двух монахинь.

Скользнув внутрь, юноша нерешительно кашлянул в кулак, привлекая внимание.

Дежурный, задремавший, облокотившись на спинку стула, приоткрыл один глаз. Он выхватил расплывчатый силуэт юноши. Тот нервно постукивал ногтем по стеклу наручных часов. Нехотя дежурный поднялся и прокричал:

— Подъем!

От неожиданности Азария резко поднялась на кровати, словно вампир из гроба. Голову пронзила мерзкая пульсация. Остальные дети, уже привыкшие к столь «приятному» пробуждению, стали ворочаться, вылезая из-под тяжелых одеял. Но кто-то все же вздрогнул, как и Азария. Тем, кому было сложно встать самостоятельно, помогали монашки.

Врач, стоявший у прохода, теперь плыл меж кроватей словно призрак, ловко извлекая из карманов своего халата разные баночки с разноцветными таблетками. Механически, почти не глядя, он раздавал лекарства — каждому свое, строго отмеренное количество. Кому-то даже успел вколоть странную белую жидкость в предплечье.

Когда очередь дошла до Азарии, врач замер у ее койки. Граненый стакан опустился на тумбочку. Налив в него воду из фляги, юноша наклонил над ним маленькую стеклянную баночку, отсчитывая каплю за каплей. В окно тут же забарабанил мелкий дождь, несмотря на солнце, все еще выглядывающее из-за небольших и почти прозрачных тучек. Девочка завороченно проследила за одной из мокрых змеек, стекающих к низу оконной рамы.

— Выпей, — прозвучал тихий, заикнувшийся в начале, голос.

Азария медленно повернулась к врачу, смерив его немигающим взглядом совиных глаз, а потом уставилась на стакан. Ее пальцы дрогнули, когда она потянулась к холодному стеклу. Хоть жидкость внутри не изменилась, она все равно будто таила в себе опасность. Поднеся стакан к лицу, она уловила еле ощутимый аромат пустырника. В голове тут же всплыл образ матери — та начала принимать что-то с похожим запахом. У нее все чаще стали накачивать истерики, но после выпитого ей становилось легче, и она оседала на диване в гостиной, утыкаясь в одну точку. Сглотнув, Азария поморщилась. Стенки гортани зацарапало, словно по ним прошлись наждачкой. Не раздумывая, она все же коснулась края стакана губами и принялась жадно пить. Прохлада приятно растеклась по пересохшему горлу.

— Молодец, — облегченно выдохнул врач и забрал стакан.

Когда он отошел, его сменила монашка. Миловидная, с забавно торчащими из-под скуфьи прядками светлых волос. Девушка откинула в сторону стеганное одеяло и, взяв Азарию за предплечье, попыталась стянуть ту с кровати.

— Дороти, не надо, сама встанет, — донеслось с противоположной стороны комнаты. Има глянула на них, высоко подняв острый подбородок, и тут же отвернулась, встретившись взглядом с Азой, продолжив помогать щуплому рыжему мальчишке.

Азария закатила глаза, спокойно свесив ноги на пол, встала. Потянулась, разминая затекшие мышцы, и вытащила рубаху из-под подушки. Ее взгляд скользнул по комнате: дети, словно механические игрушки, аккуратно заправляли кровати. Они смотрели сквозь, ни на чем не заостря внимания. А глаза у многих были пустые, словно у слепых.

«Долго они здесь?» — промелькнуло у нее в голове. Она невольно поежилась, осознавая, что некоторые могут находиться здесь годами.

— Все готовы? — голос Имы, прозвучал резко, вырывая Азу из гнетущих размышлений.
— Строимся в пары.

Азария медленно подошла к концу строя и встала чуть поодаль от того отстраненного мальчика, заложив руки за спину.

Их ровными шеренгами вывели из комнаты и повели до конца коридора. Дойдя до белой, облупившейся от влажности двери, детей провели в подобие ванной комнаты. Из-за бело-зеленых стен помещение казалось еще холоднее, чем было на самом деле. Прямо под потолком виднелись маленькие длинные окна с легкими кружевными занавесками, пропускающими внутрь тусклый свет.

В ванной было несколько раковин и отдельная комната с душевыми, из которых дуло морозцем. Детям раздали зубные щетки, на каждой черным было выведено имя. Умывшись ледяной водой, которая заставила кожу тут же покраснеть, они вытерлись протянутыми им махровыми полотенцами.

После утренних процедур шествие спустилось на первый этаж, где находилась приемная. Пройдя через двойные двери, они двинулись к широкой арке, ведущей в просторную столовую, заставленную длинными деревянными столами. За некоторыми уже расположились дети, группами по двадцать четыре человека.

Несколько окон в пол впускали в комнату много света, подсвечивая белую одежду ребят и делая их похожими на солнечных зайчиков. Приятный запах еды — свежее испеченного хлеба и горячей овсяной каши — окутывал все вокруг. Желудок Азарии свело от голода.

Она опустила на деревянную скамью, стараясь не встречаться взглядом с другими детьми.

— Давайте же поблагодарим Всевышнего за то, что сегодня на столах у нас есть еда! — прозвучал, словно раскат грома, сильный старческий голос.

По залу прокатился едва уловимый, но согласованный шепот. Десятки голов склонились над тарелками, сложив руки в молитве.

Когда прозвучало долгожданное «Аминь», Азария взяла ложку, уже приготовившись ощутить вкус еды, но замерла, услышав заговорщицкое шушуканье.

За столом позади переговаривались две девочки, украдкой наклоняясь друг к другу, когда монашки на них не смотрели.

— Слышала что-нибудь про Луку? — спросила девчушка, поправляя косы и воровато оглядываясь по сторонам. — С тех пор как его вчера увели...

— Нет, — быстро ответила вторая. — Но Ноэ мне сказал, что видел, как он уходил куда-то с врачом.

— Может, за ним приехали родители? Вдруг его наконец забрали домой?!

— А вещи? Их только сегодня монахини унесли, — протянула вторая собеседница. — Он что, по-твоему, без них домой уехал?

Девочки замолчали, когда мимо прошествовала монашка, и принялись с особым рвением уплетать еду, склонившись над тарелками настолько близко, что их носы то и дело клевали в кашу. Азария, осознав, что ничего интересного она больше не услышит, вернулась к прерванной трапезе.

Еда приятно заполнила желудок. С овсянкой она покончила первой, поэтому занимала себя поеданием шариков из хлебного мякиша. Больше ничего интересного Азария не услышала, но продолжала невольно прислушиваться. После принятого лекарства тело отзывалось приятной легкостью, но девочка держала себя в руках, не давая себе сбавить бдительность.

В проеме арки появился врач, который приходил к ним утром. Он окинул столовую быстрым взглядом, прежде чем его глаза остановились на Азарии. Их взгляды пересеклись. Девочка поежилась, но глаза не отвела. Продолжила смотреть в его, на удивление, еще живые глаза.

«Ему страшно?» — мелькнула первая неуверенная мысль.

Он был бледный как смерть, зрачки расширены, дыхание неровное, будто только что бежал. Вытерев лоб рукавом фиолетового халата, молодой врач направился к столу Азарии. На ходу он несколько раз нервно разгладил складки на одежде — которых даже не было.

— Вставай. За мной, — прерывисто бросил юноша, подходя вплотную.

Азария не пошевелилась, продолжая просто бегать по нему взглядом. До носа донесся резкий металлический запах, тут же словно впитываясь в одежду, волосы и даже пробираясь под кожу. Неприятный зуд пробежал по всему телу. Азария вдохнула глубже, пытаясь его распробовать. Он исходил от врача, но ни одной, даже маленькой капельки крови на нем не было.

— Вставай, говорю, — повторил он с раздражением, случайно шелкнув языком.

Решив не испытывать его терпение дальше, Азария поднялась. Врач сразу же схватил ее за предплечье с такой силой, что точно останутся синяки, и быстро потащил из столовой.

Азария, запинаясь, едва поспевала за его бешеными шагами. Они неслись по белеющим, безжизненным коридорам, которых она раньше не видела, так как впервые была в этом крыле. За ними по стенам словно тянулись крючковатые тени, вылезая сквозь потрескавшуюся местами штукатурку. Они пытались ухватиться за одежду и волосы. Слова матери всплыли у нее в голове: «Не бойся, милая, это всего лишь твое воображение, правда...?» — говорила она это больше себе, нежели дочери. Словно мантру повторяла.

Большинство кабинетов, которые встречались им по пути, были закрыты. В тех же, где двери любезно приоткрывали свои внутренности, интересного было мало — они напоминали обычные бухгалтерии. Их заполняли шкафы, заставленные разными коробками и ящиками; за одиноко стоящими столами сидели врачи, склонившись над бумагами. За остальными была гнетущая тишина, но иногда казалось, что там словно кто-то мычит или скребется в установленные широкие металлические двери.

— Хва...а-а-а...тит. Не вертись. Иди... иди живее, — хватая ртом воздух, произнес врач.

Он судорожно дернул ее за руку — слишком сильно, что Азария чуть не упала. Они дошли до конца коридора к абсолютно новенькой двери. Остановившись, врач дал себе отдышаться перед тем, как постучать. А у Азы появилось время немного осмотреться. Ничего нового она, конечно, не увидела. Где бы они ни проходили, все здесь было одинаковым, расплывчатым, словно сонная дымка. Раздался стук. Выйдя из некоего забвения, Аза вернула свой взор на врача, застывшего с поднятой рукой.

— Войдите, — донесся сухой голос по ту сторону.

Юноша медленно нажал на ручку, наваливаясь всем телом, и шагнул внутрь, утаскивая девочку за собой.

— А, Штайн. Привел? — спросил седовласый мужчина, поднимаясь из кресла.

Парень закивал головой, словно болванчик, и подтолкнул Азарию вперед. Девочка сразу узнала его. Главврач. Она помнила, как он дружелюбно беседовал с ее родителями, подкладывая им под руки бумаги на подпись.

— Спасибо. Можешь быть свободен, — главврач сжал плечо парня. — И выпей чего-нибудь. Ты в последнее время слишком взвинчен. Это вредит работе.

Врач чуть ли не пулей вылетел из кабинета.

И тут Азарию пронзило странное чувство. Лоб покрыло горячей испариной, а потом температура резко упала, заставив Азу вздрогнуть. Она вдруг поняла, что осталась наедине с человеком, не внушавшим доверие абсолютно. Захотелось забиться в угол, надеясь, что оттуда тебя не достанут.

Врач взял стул, стоящий на подоконнике, отряхнул сидушку и поставил его напротив своего стола.

— Садись, Азария, — произнес Ларош, вернувшись в свое кресло. Кожа жалобно скрипнула под ним. — Я Виктор Ларош. Полагаю, ты меня помнишь. Как твое самочувствие?

Мужчина методично сложил стопку документов, постучав ими о стол, выравнивая край. Она подняла на него глаза. В них плескался страх и беспомощная, пронзающая ее злостью. Между бровей залегла складка. А зубы заскрежетали от напряжения, с каким Аза их сомкнула.

— Молчание — тоже ответ, — ровно проговорил Ларош, продолжая раскладывать вещи на столе. — Защитная реакция на смену обстановки. Это нормально. Я позвал тебя не чтобы вынести тебе приговор, а помочь. Понять, где произошел сбой, и исправить его.

«Ага, как же. Никто не смог... А тут бац, и чудо...» — Аза сжала кулаки. Ей не нравилось это притворное хорошее отношение и обещания, которые так и сочились фальшью.

На лице мужчины не отражалось ничего. Он был словно манекен. Не живой. Казалось, он даже не дышит. Сидит с идеальной осанкой, немного облокотившись на стол. Фиолетовый цвет халата окрашивает его кожу в пурпурный и подчеркивает темные синяки под глазами. Улыбка не сходила с его тонких губ.

— Изучая анамнез, составленный со слов твоих родителей, я выделил несколько тревожных деталей. — Тон его голоса немного переменялся.

Мужчина, выдвинув верхний ящик стола, извлек оттуда картонную папку и маленькую записную книжку. Разложив их перед собой, Виктор Ларош нацепил на нос очки в тонкой оправе.

Твоя прелестная матушка... Поистине утонченная женщина, надо заметить... Была от тебя в глубоком ужасе. Лет в двенадцать она заметила первые симптомы. Запишем это как начало деструктивной фазы, — он всмотрелся в бумаги, проводя пальцем по строке. — Цитирую ее слова: «Она была своенравной и бойкой девочкой, но затем резко замкнулась. На попытки поговорить она отвечала вспышками агрессии. И в один из дней накинулась на меня со статуйкой...» — главврач остановился, взглянув на Азарию поверх очков.

Азу затошнило. Перед глазами промелькнул тот день, как яркий, но искаженный стоп-кадр.

Они сели ужинать без отца. Сначала все было хорошо — теплый полумрак, запах свежее-приготовленного лабскауса вызывал слюнки. Сидели молча, что было на руку Азарии — она не была настроена говорить ни сегодня, ни завтра, да и вообще никогда. Ритмичный стук вилок отвлекал от мыслей хоть ненадолго. Но вдруг звук напротив нее прекратился.

«Пожалуйста, нет...» — протянула Аза себе под нос, чувствуя, как ее неумолимо накрывает.

Мать осторожно отложила вилку на край тарелки. Ее глаза, усталые и обведенные фиолетовой тенью, смотрели прямо на Азарию. Голос матери был неестественно ровным, но все равно дрожал на краях, выдавая волнение.

— Аза, мы должны наконец поговорить. Вот уже несколько недель ты... *отсутствуешь*. Ты стала такой тихой, чужой. — Она взяла бокал с водой, но вместо того, чтобы пить, просто крутила его в руках, глядя на отражение света. — Мы с твоим отцом пытались быть терпеливыми к твоим изменениям, но ты пугаешь нас... Говоришь с кем-то, видишь... — Она запнулась, опустив взгляд. Слова ее словно душили. Азария видела, как ее грудь рвано вздымалась. — Ты знаешь, милая, отец сказал, что мы должны обратиться к... к священнику может, он сможет избавить тебя от этого *искушения*.

Азарию словно ударили под дых. Опять эти слова, сколько раз она их слышала, когда родители дожидались, пока дочь уйдет в свою комнату. *Искушение. Грех. Притворство. Странность*. Белый шум заполнил все мысли. Аза замерла. Просто застыла, пытаясь прийти в себя, но не получалось — грудь защемило до жуткой боли.

И тут началось то, чего девочка боялась больше всего.

— Я вижу, как ты смотришь на меня! С этим *высокомерием!* Думаешь, все эти твои *странности* — это что-то особенное!? — отчаянный голос матери сорвался, превратившись в истерический шепот. — Ты должна пообещать мне, что перестанешь. Ты делаешь хуже не только себе, но и мне, понимаешь?! Ты делаешь нас несчастными! Отец с трудом находит силы молиться за тебя!

В этот момент вся ярость и чертово чувство вины, которое она не должна была испытывать, вырвались наружу.

— Я делаю?! — выкрикнула Азария, стукнув зубами. Все слова давались ей с небывалой легкостью, что она не могла остановиться. — Я ничего не делаю! Вы! Вы верите во всякую чушь! Думаете, я грешна?! Связалась с кем-то, да?! Церковь, да пошла она к черту, ясно вам?! Себе по... помогите!

Аза подскочила, отталкивая стул, который с грохотом перевернулся. Мать вскочила следом, ее лицо исказил ужас и гнев.

Азария не помнила, как статуэтка оказалась у нее в руке — Иисус Христос из бронзы, притащенный отцом.

— Вот что вы видите?! Вот что я должна видеть?! — Азария закричала, кляца зубами, и подняла статуэтку выше. Омерзение — это она ощущала от предмета в руках, от собственных родителей, от себя. Пелена застелила глаза, когда Аза приблизилась к матери и замахнулась.

Она была готова ударить, сделать ей больно, лишь бы самой стало легче. Но тут в проеме появился отец. Подбежав, он резко выбил статуэтку из её рук. Она упала, откатившись под стол. Отец загородил мать. В его глазах читалась не злость, а чистый, парализующий ужас. Перед ним стояла не его любимая дочь, а монстр, в которого она превратилась.

В кабинете было тихо. Азария вздрогнула, и возникшая в памяти сцена растворилась. Девочка медленно выдохнула.

Виктор Ларош неподвижно сидел за столом, не отрывая внимательного взгляда от пациентки. На его губах играла снисходительная улыбка.

— Вот. Именно, — проговорил Ларош, что-то чиркая в документах. — Классическая манифестация. Параноидный аффект с импульсивной агрессией, спровоцированный бытовой ситуацией. Твои родители не в состоянии были справиться с подобными вспышками, но мы здесь для того, чтобы купировать продуктивную симптоматику.

Главврач достал новый бланк.

— И знаешь, в чем твоя главная проблема сейчас? Ты слишком много думаешь. Я вижу это напряжение на твоём лице, от поглощающих тебя размышлений. — снисходительно произнес Ларош. — Я пропишу тебе курс Обскурана¹ и одну из терапий. Позже поймем, какая будет эффективней.

Он отложил бумаги и снял очки, кладя их сверху. Поднявшись из-за стола, мужчина обогнул его, подходя к Азарии.

— Твои родители не бросили тебя, Азария, — его голос прозвучал с толикой сочувствия. — Они передали тебя под нашу опеку, понимая, что ты опасна для них и общества. И если ты хочешь, чтобы пребывание здесь было для тебя *приятным*, нужно будет научиться *подчиняться*.

Виктор Ларош протянул мозолистую руку, пахнущую карбоновым мылом, и ухватил Азу за подбородок, заглядывая ей в глаза.

В этот момент у Азарии что-то щелкнуло. Разум отключился. Вместо него ее поглотил страх — слепой животный инстинкт, подсказывающий, что перед ней опасный хищник и надо бежать.

¹ Obscuran (лат. Мракобесный) — вымышленный седативно-нейролептический препарат.

Скорее.

Быстрее.

Нужно что-то предпринять.

Пока не поздно...

Не задумываясь, она подняла ногу и наотмашь ударила. Ларош, глухо крикнув, согнулся пополам. Аза тут же рывком бросилась к двери, но главврач сработал на автоматизме, схватил ее за ворот рубашки и отшвырнул к стене, словно тряпичную куклу. Азария приложилась спиной о бетон. Из груди выбило воздух. В глазах потемнело.

— Успокойся... — прохрипел он через сжатые зубы.

Вжимая чуть ли не до хруста пальцы в чужое плечо, он попытался заломить ей запястье. В помутнении она вцепилась зубами ему в руку. Привкус железа попал в рот. Главврач закричал. Взвыл, словно дикий зверь, подстреленный охотником. Азария испугалась, но, не успев отпустить чужую плоть, получила пощечину. Губа закровоточила.

Несмотря на это, она предприняла еще одну попытку подняться и добежать до двери. Но снова провал. Даже застигнутым врасплох Ларош не отступал — действовал адреналин, притуплял чувство боли.

Врач толкнул ее к тумбе по левую сторону от выхода. Вовремя выставив руки перед собой, она уперлась в нее.

Ларош повалился на противоположную тумбочку, прижимая окровавленную руку к груди. Взгляд у него был бешеный, но где-то проскальзывало искреннее удивление. Он не был готов к такому отпору.

Воспользовавшись небольшой передышкой, Азария осмотрелась. Искала хоть что-нибудь, чем можно защититься. Взгляд зацепился за ключницу, а в особенности за ключ. Он был ребристым и довольно большим.

Главврач двинулся к ней.

— Тебе это с рук не сойдет, мелкая тварь! — прошипел он, занося руку.

В этот момент Азария среагировала инстинктивно и быстро. Она дернула тумбу, опрокидывая ее, создавая препятствие между ними. Ларош на мгновение замешкался. Этого было достаточно. Аза вырвала с крючка ключ и тут же, не раздумывая, слепо замахнулась.

Ключ врезался в уголок губы и прочертил линию, слегка вспарывая кожу в начале, по щеке. Темно-бордовая кровь хлынула по подбородку, капая на пол. Мужчина отступил, захлебываясь и пытаясь зажать рану пальцами.

Аза, не оглядываясь, рывком открыла дверь и вылетела в коридор.

Она неслась по серому, бесконечному коридору. За закрытой дверью слышалась возня и ругательства Виктора Лароша. На его злость словно отзывалось все здесь. Тени отлипли от стен, сгустились и пытались схватить, ущипнуть. Раздался топот. Громкий, отдающийся в голове эхом. Он бежал за ней.

Азария свернула за угол. Он встретил ее тупиком. Уперевшись о стену, Аза сползла вниз. Нужно было перевести дыхание. Легкие жгло, в ушах бешено стучал пульс.

Неожиданно появившаяся рука схватилась за край закутка, в котором притаилась девочка. За ней появился ее хозяин. Темная полупрозрачная тень по краю, обведенная тусклым светом. Мужчина тяжело и с рычанием выпускал воздух. Жуткий оскал играл на его губах.

Азария перестала дышать, застыла. Темнота в тупике укрыла ее от посторонних глаз. Вся былая ярость и смелость, которая в ней проснулась, растворилась, оставляя после себя только страх.

Будто пригнувшись, главврач пошел дальше, медленно переходя на бег. Когда его шаги стихли, Аза вышла из своего укрытия и побежала дальше. Несколько раз она сворачивала в

появляющиеся на ее ходу коридоры. Пока один из проходов не сменился узкой лестницей, ведущей вниз. Оттуда доносился аромат сырости и ладана.

Аза решила спуститься. Каменные ступени были немного влажными из-за сырости, и как бы Азария не хотела уже оказаться внизу, ей приходилось быть осторожной, чтобы не скатиться кубарем. Она продолжала крепко сжимать в руке ключ. Он приятно охлаждал кожу, вызывая чувство некой безопасности.

Наконец ступени оборвались. Азария медленно ступила на каменный пол. Здесь было темно, лишь тусклый фосфоресцирующий свет проникал сверху, подсвечивая влажные стены и тяжелые своды. Это было похоже на подземелье — лабиринт из узких проходов и ниш.

Она сделала два осторожных шага, прислушиваясь. Тишина. Азария пыталась всмотреться в темноту, разглядеть хоть что-нибудь. Но глаза, еще не привыкшие к мраку, отказывались ей помогать.

И тут ее внимание привлек шорох. Вдоль стены в свете мелькнул серый комок, а за ним — еще один. Мыши. Обычные маленькие мышки. Одна из них остановилась и, представ на задние лапки, взглянула на Азу. Черные глазки-бусинки смотрели с человеческой пронзительностью. Девочка в недоумении наклонила голову, и зверек повторил за ней.

Неожиданно где-то в глубине подземелья что-то упало, и послышался отдаленный всплеск воды. Испугавшись, мышонок сорвался с места и побежал за остальными зверьками, уже скрывшимися где-то у лестницы. Азария повернулась за ним, пытаясь не выпустить из виду, но тут ее схватили поперек спины. Холодная ладонь закрыла ей рот, предотвращая попытки закричать. От неожиданности ключ выпал из ее рук, со звоном ударяясь об пол.

— Б-б-б... быстрее, — протараторил Штайн, обращаясь к кому-то.

Азария отчаянно дернулась. В ответ человек, подавив ее сопротивление, крепко прижал к себе.

Из мрака перед ней возникла Има. Вытащив из кармана шприц, она быстро сбила с него колпачок.

— Держи крепче! — скомандовала Има.

Аза пыталась вытащить руки, зажатые объятьями, но попытки были тщетными. Штайн обвил Азарию словно тисками. Има, задрав рукав рубашки, ввела иглу в предплечье. Неприятная и вязкая жидкость начала разливаться по ее руке.

Сознание стало гаснуть. Лишь редкими вспышками, словно неисправная лампочка, возвращая ее обратно. Нежданный голос, нежный и такой далекий, шептал: *«Иди сюда, малышка, скорее...»*

Образы Штайна и Имы исчезли, сменившись ярким пятном света.

Морской бриз ударил Азарию в лицо. Щурясь от солнца, она приложила ладошку как козырек и всмотрелась в даль. По щиколотку в воде стояли ее родители. Отец, засучив брюки до колена, поднимал брызги, которые непременно летели в мать. Она же, зачерпывая руками море, отвечала на озорство мужа. Азария засмеялась.

Элизабет повернулась и поманила дочь рукой.

— *Иди сюда, малышка, скорее!* — закричала она, продолжая защищаться от капель, летевших в нее.

И Аза побежала изо всех сил. Песок замедлял, но она не сдавалась, не давала себе останавливаться. Каждая секунда была ей дорога. Вытянув руку, Азария схватила мамину, но ничего не почувствовала. Ее ладонь растворилась в пальцах девочки. Она взглянула на мать — от нее остался только призрачный образ, тут же унесенный дуновением ветра. Аза повернулась к отцу — он хотел дотронуться до нее, но его рука прошла насквозь, и мужчина тоже растворился.

«Нет, прошу, вернитесь... Не оставляйте меня...»

Она упала на колени в холодный песок.

Реальность приняла Азарию обратно. На грани пропасти она ощутила, как Штайн подхватил ее обмякшее тело и, тяжело вздохнув, произнес:

— Сколько же она шума наделала.

— Чшш, — шикнула Има, подгоняя парня в спину. — Шагай давай, а то нам попадет. Это были последние слова, что услышала Аза, перед тем как погрузиться в бархатную тьму окончательно.